

УДК 82.09

РОМАН Д. БЫКОВА «ЖД» В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д.В. Новохатский

Падуанский университет, г. Падуа, 35122, Италия

Аннотация

В статье роман Д. Быкова «ЖД» анализируется в свете тенденций, характеризующих современный русский литературный процесс. «ЖД» принадлежит к обширной группе альтернативно-исторических произведений (футурологий), в которых создание виртуального образа России служит для поиска закономерностей российской истории и путей выхода из затяжного социально-философского кризиса. Согласно авторской идее история в России имеет замкнутую кольцевую структуру и не развивается, что связано с позицией самих русских, живущих в соответствии с повторяющимися природными циклами. В романе оригинально используются элементы «магического историзма» (термин А. Эткинды), которые встраиваются в криптоисторический и конспирологический сюжет. Для «ЖД» актуален вопрос формирования образа врага, связанный как с концепцией внутренней колонизации, так и с процессами локализации в русской культуре. В отличие от классической двухчастной модели врага (внутренний – внешний), в предложенной автором трёхчастной модели составные элементы находятся в сложных взаимоотношениях. Это позволяет Д. Быкову вместо конструирования возможного государственного устройства, типичного для альтернативистики, обратить внимание на внутренний мир человека и его ответственность за развитие страны.

Ключевые слова: Д. Быков, «ЖД», современная русская литература, альтернативная история, футурология, магический историзм, философия истории, образ врага, внутренняя колонизация

В ряду современных известных русских писателей имя Дмитрия Быкова появилось не сразу, хотя еще в 1991 г. он стал членом Союза писателей СССР, а с 1992 г. в различных московских издательствах начали выходить его сборники поэзии. Лишь с началом нового тысячелетия – а точнее, после публикации романов «Оправдание» (2001) и «Орфография» (2003), номинированных на российскую литературную премию «Национальный бестселлер», – на него обратила внимание серьёзная литературная критика, и сам Д. Быков стал активно позиционировать себя не только как получивший определённую известность журналист и публицист, но и как писатель. Успех продолжился с выходом его последующих произведений, среди которых выделяются романы «Эвакуатор» (2005) и «ЖД» (2006), а также с появлением литературоведческих работ, например получившей премию «Национальный бестселлер» книги «Борис Пастернак» (2012) из серии «Жизнь замечательных людей».

Вхождение Д. Быкова в «большую», или «мейнстримную», литературу и закрепление в статусе «модного» автора иллюстрирует её динамику: после периода эпатажного постмодернизма, принципиально отказавшегося от «менторской» роли художественного слова, она активно возвращает себе традиционную для литературоцентристского русского культурного пространства социально-философскую функцию; это активно подчёркивается и самими писателями. Так, подзаголовок «Поэма», данный прозаическому произведению «ЖД», недвусмысленно связывает его с «Мёртвыми душами» Н.В. Гоголя¹ и той ролью, которую данное сочинение сыграло в развитии отечественной культуры.

Цель, поставленная Быковым в «ЖД», – сказать как можно больше о сущности русской истории и культуры – неизбежно повлекла за собой и избыточный объём романа, и его стилистическую шероховатость. С подобной задачей сталкивался, например, В. Сорокин в «Теллурии» (2013), однако он избежал тяжеловесности, разбив свой роман на пятьдесят глав, связанных между собой лишь условно-фантастическим хронотопом. Между тем Быков попытался создать эпопею в духе XIX столетия, со сквозным сюжетом и героями. Это закономерно вызвало достаточно резкие критические отзывы. Так, П. Басинский заявляет, что «ЖД» – вещь... совершенно провальная» [1], а по мнению М. Назаренко, «роман оказывается предельно интравертным текстом, опытом самоописания и самоопределения автора» [2, с. 195]. В то же время многие критики отозвались о произведении положительно, среди них А. Латынина [3] и В. Пустовая [4].

Роман «ЖД» действительно весьма неоднороден как в содержательно-композиционном, так и в стилистическом планах, однако в определённом смысле его можно считать квинтэссенцией многочисленных тенденций, характеризующих современный русский литературный процесс и культуру в целом. Книга принадлежит к обширной и активно пополняющейся тематической группе произведений (преимущественно прозаических), которые условно можно назвать альтернативно-историческими романами; изображённая в них в качестве объективной история отличается от документально зафиксированной. Если ещё в 1997 г. К. Кокшенёва говорила о «желании многих современных писателей “убить прошлое”, причём раз и навсегда» [5, с. 172], то уже в начале 2000-х годов стало очевидно, что прошлое (а вместе с ним настоящее и будущее) снова вернулось в русскую литературу, однако в виде многочисленных виртуальных реальностей, более или менее приближенных к настоящему или документально зафиксированным фактам.

Существует множество исследований, ставящих своей целью понять причину «альтернативно-исторического бума» в русской литературе наших дней (см., например, [6–8]). В подобных произведениях зачастую можно найти признаки утопии, антиутопии, футурологии, апокалиптической литературы и иных родственных жанров, но объединяющей силой практически всегда выступает вольное обращение с объективной историей. С одной стороны, это достаточно характерная черта литературного постмодернизма, проистекающая из философии тотального сомнения и стремления фрагментировать реальность. С другой

---

¹ Это нашло своё отражение в английском переводе романа Д. Быкова, который был издан под названием “Living souls” (букв. «Живые души»).

стороны, понятно, что в таких сочинениях собственно «игра с историей» находится в тени гораздо более серьезной задачи – попытки дать ответ на вопрос о сущности российской истории; фактически постмодернистские приёмы используются для создания литературы совершенно иного, созидательного характера.

Можно лишь отчасти согласиться с Ю. Минковой, по мнению которой главной мишенью автора «ЖД» выступает «советский и современный вариант русского национализма, проявляющийся в массовой культуре, “серьёзной” литературе, прессе... и государственной пропаганде патриотизма»² [9, р. 285]. Предельно упрощён и подход А. Полака, считающего, что романы Д. Быкова «ЖД», О. Славниковой «2017» (2006), а также повесть В. Сорокина «День опричника» (2006) «следует воспринимать как памфлет на русскую политику и политиков; все они касаются “проблемы 2008 года”, т. е. ухода или неухода от власти президента Путина и ожидаемых выборов его преемника» [10, с. 302]. Не отбрасывая политическую составляющую, полагаем, что причина популярности альтернативистики (в самом широком смысле слова) как среди авторов, так и у читателей лежит гораздо глубже. В частности, согласно А. Чанцеву, в сегодняшней России «людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории» [8, с. 270]. Обращение к этому жанру также можно считать попыткой преодоления постсоветской культурной травмы, как следует из концепции М. Липовецкого и А. Эткинда [11]. В целом ясно следующее: «Современные русские альтернативные истории выражают тревоги и страхи перед будущим, вызванные травматическим опытом истории России в XX веке» [10, с. 298].

Кризис идеологии развития страны и, что ещё более важно, осмысления философии российской истории стал особенно очевиден со сменой власти в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Литература в данной ситуации оказывается площадкой для обсуждения наболевших социальных вопросов, она ориентирована на настоящее и зачастую (как «ЖД») граничит с публицистикой. В этом плане выделяется пласт произведений, типологически схожих с реалистической литературой XIX в., выполнявшей общественно-политическую функцию. Можно говорить о своеобразной беллетризации публицистики: появляются произведения, где есть формальный сюжет, действующие лица и конфликты, однако всё это лишь декорации для социально-философских рассуждений о будущем страны, преломлённом через её настоящее и прошлое. К таким сочинениям можно применить термин «ситуационная литература», предложенный Б. Витенбергом для характеристики антиутопий перестроечного времени [12]³.

Очевидно также, что сочетание постмодернистских композиционных приёмов с нарочито непостмодернистским содержанием связано с идеей выхода из постмодернизма и является общей тенденцией русского литературного процесса наших дней. Альтернативно-исторические романы сближаются с корпусом текстов, обозначающимся как «метареализм», «постреализм» или «неомодернизм»; его типичными образцами являются произведения М. Шишкина (рассказ «Урок каллиграфии» (1993), романы «Взятие Измаила» (1999), «Венерин волос» (2005)) и Е. Водолазкина (романы «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016)). Творчество этих

² Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш. – Д.Н.

³ Антиутопические произведения (они составляют значительную часть современной русской литературной альтернативистики) по определению носят ситуационный характер.

писателей, однако, ориентировано на индивидуальное восприятие мира; формирование единого целого из фрагментов реальности происходит в сознании индивида, восстанавливающего или создающего таким образом собственное «я», это подход через частное к общему. Альтернативно-исторические романы, напротив, зачастую выстраивают грандиозные псевдоисторические декорации, в которых человек обретает возможность осознать закономерности собственной жизни через приобщение к истории.

Как часто случается с альтернативно-историческими сочинениями, роман «ЖД» был написан как футурология: его действие разворачивается примерно в 2015 г. (дата событий не указывается точно, но легко восстанавливается). Для большинства современных русских футурологий собственно футурологическая направленность является формальностью, своеобразной художественной вольностью: хотя их действие отнесено в ближайшее будущее, но реальная вероятность совершения событий, описанных в сюжете, не просто минимальна, а практически равна нулю⁴; кроме того, когда сюжет касается будущего, различие собственно альтернативно-исторических романов и футурологий – задача весьма затруднительная, если вообще выполнимая.

Говоря об альтернативно-исторических романах, А. Лобин выделяет произведения об «альтернативном прошлом» и «альтернативном настоящем» [13, с. 82]. С нашей точки зрения, в эту классификацию следовало бы добавить, на первый взгляд, абсурдную категорию «альтернативное будущее». Разумеется, будущее всегда альтернативно, потому что ещё не свершилось, однако в указанных произведениях оно не только маловероятно, но и достаточно условно; главной характеристикой изображённой реальности является её альтернативность, а не соотносённость с каким-либо реальным летоисчислением. Не случайно А. Латынина замечает о «ЖД»: «Мир романа Быкова – это, конечно, не будущее России, но некое альтернативное – будущее ли, настоящее, особого значения не имеет» [3, с. 181].

В альтернативно-исторических произведениях используется следующая схема: «осмысление тенденций российской истории и современности + последующая экстраполяция этих тенденций в условное ближайшее будущее». При этом альтернативная/футурологическая Россия весьма виртуальна: «Она, кажется, была; она, несомненно, будет; она – предмет размышлений, гаданий, пророчеств. Но в аспекте осязаемого присутствия, в качестве объекта прямого изображения – её нет» [14, с. 188]⁵. Это отличает корпус указанных текстов как от традиционной западноевропейской и американской альтернативно-исторической литературы, сконцентрированной в основном на осмыслении тенденций развития прошлого, так и от классической прогностической футурологии⁶, описывающей вполне вероятный ход событий.

⁴ По мнению А. Чанцева, такие романы отрицают историю, поэтому невозможно называть их футурологиями [8].

⁵ Впрочем, Л. Фишман считает, что вероятность осуществления сценариев российских футурологий велика и популярность этого жанра у массовой публики сродни популярности прогнозов различных катастроф [15, с. 20–31].

⁶ Примером может служить роман С. Льюиса (Sinclair Lewis) «У нас это невозможно» (*It Can't Happen Here*), вышедший в 1935 г.

Именно условность, нереальность, а иногда и настоящая сказочность отображают ту характерную особенность сегодняшней русской литературы, которую А. Эткинд называет «магическим историзмом» (см. [16, 17]), когда фантастическая форма используется для осмысления наболевших вопросов о возможных путях развития России. В качестве примеров можно привести такие произведения, как повесть В. Сорокина «Метель» (2010), где изображённый мир населён карликами и великанами, роман О. Славниковой «2017» (2006), связанный с «Уральскими сказами» П. Бажова, во многом основанными на мифологии Урала; из более ранних сочинений стоит упомянуть дилогию П. Пепперштейна и С. Ануфриева «Мифогенная любовь каст» (1999), главный герой которой проводит большую часть Великой Отечественной войны среди сказочных персонажей, а также роман П. Крусанова «Укус ангела» (2000), где, наряду с вполне реалистичными персонажами, действуют некие волшебники, называемые «моги».

Причин активного использования фантастических элементов в «серьёзной» литературе может быть несколько. А. Эткинд, выводя корни «магического историзма» из сферы подсознательного, связывает популярность фантастики с переживанием постсоветской культурной травмы. По его мнению, «посткатастрофическая память работает в основном с аллегориями, а не с фактами» [16, р. 631]. Обращение к фантастическому можно определить и как сознательный выбор средств, максимально упрощающих процесс восприятия психологически тяжёлых тем. Наконец, этот феномен может быть обусловлен влиянием «философии и эстетики постмодернизма с его ведущим принципом игрового совмещения реального и ирреального, “бытового” и “необычайного”» [18, с. 57], то есть реализацией постмодернистского тезиса С. Фидлера «пересекайте границы, засыпайте рвы». Дело в том, что сказочные элементы знакомы человеку из любой социальной среды, а следовательно, позволяют уменьшить пропасть между элитарным дискурсом и массовым читателем.

«ЖД» в качестве основной фантастической предпосылки предлагает существование газа флогистона⁷, с обнаружением которого приходит конец эпохе зависимости от углеводородов и в корне меняется расстановка политических сил в мире, но центральный конфликт романа носит смешанный конспирологически-криптоисторический характер (поэтому, например, Д. Павлова называет «ЖД» «конспирологическим романом» [19, с. 45]). Предполагается наличие «мирового заговора» (в основном еврейского) и неизвестность истинной истории России большинству её населения из-за многовековой оккупации страны варягами и хазарами. Носителями реальной истории являются лишь избранные (как «двойной агент» Константин Гуров, вхожий и в стан хазар, и в армию варягов), призванные не допустить смещение баланса в пользу одной из враждующих сторон. С самого начала романа очевидно, что действие протекает в альтернативном хронотопе, однако в целом сюжет реалистичен до тех пор, пока в нём не появляется линия отношений туземки Аши и губернатора; автор использует эту линию для разьяснения «истинного» устройства мироздания,

---

⁷ Данная идея восходит к трудам И.И. Бехера (1635–1682), пытавшегося объяснить процесс горения наличием некой огненной субстанции, названной им флогистоном.

и мифологический элемент по ходу развития действия лишь нарастает, достигая кульминации в эпизодах, происходящих в деревнях Дегунино и Жадруново – средоточиях Добра и Зла соответственно.

Сама мифологическая концепция «ЖД» оригинальна: Д. Быков берёт из славянской мифологии образ Дажь-бога (местом его наибольшей силы является деревня Дегунино) и придумывает ему антипода – Жажь-бога (наиболее могущественного в Жадруново), при этом относя Перуна и Велеса к «чужим» богам, принесённым на Русь вместе с варяжским завоеванием. Как указывает А. Бесков, «эта мифология производна от основной авторской идеи» [20, с. 16]. Действительно, по Д. Быкову, история России определяется противостоянием двух богов, олицетворяющих Добро и Зло (их имена соотносятся и с названием – «ЖД»), а потому она не только циклична, но и концентрична, то есть, по сути, не развивается и постоянно возвращается в исходную точку: «У вас история стоит» (ДБ, с. 146), – говорит один из героев романа.

Повторяемость российской истории, зачастую равноценная её отсутствию, – одна из сквозных тем современной русской альтернативистики, легко прослеживаемая в «Гравилёте “Цесаревич”» В. Рыбакова (1994), «Маскавской Мекке»⁸ А. Волоса (2003), «Дне опричника» В. Сорокина, «2017» О. Славниковой и многих других романах этой тематической группы. Как удачно замечает А. Григоровская, характеризуя «ЖД», «в основе криптоисторических построений произведения лежит идея круга» [22, с. 66], проявляющаяся в вещественно-бытовом плане (постройка кольцевой железной дороги), в типично мифологических представлениях коренных жителей России о цикличности природы и времени и в логически вытекающей из этих представлений концепции вечного круговорота отечественной истории. Об этом же говорит Б. Ланин: «...Продолжателями исконных славянских традиций оказываются неадаптированные “васьки”, которые ездят по кругу и не имеют права покидать Кольцевую. Замысловатая утопическая философия в конце концов сводится именно к этой формуле...» [23, с. 58].

Большинство современных авторов изображают повторяемость истории как объективное, не зависящее от народа стихийное явление, которое причиняет России множество бед; новаторство Д. Быкова состоит в том, что в «ЖД» коренное российское население, исповедующее странную форму язычества, всеми силами борется за то, чтобы история не развивалась, так как это означало бы разрыв естественного природного круговорота жизни. Своеобразным заклинанием звучит неоднократно воспроизводимый в романе текст русской народной песни «Не одна в поле дороженька», коллизия которой – невозможность изменения сложившейся ситуации – становится магической формулой, определяющей существование жителей России.

Переход от псевдореалистического к мифологическому модусу повествования происходит постепенно: изначально Аша сообщает истинную картину мира губернатору Бороздину, который, обладая достаточно трезвым взглядом на мир, скептически расценивает полученные сведения. Однако происходящие события (пророчество о рождении Антихриста и грядущем конце света, способности

⁸ Теме «остановившейся» истории в «Маскавской Мекке» посвящена статья И. Кукулина [21].

Аши управлять погодными явлениями и т. п.) делают мир «ЖД» всё более сказочным и условным. Постепенно становится очевидным, что в произведении представлено четыре пары, каждая из которых проходит своеобразный квест на пути к личному счастью, достижение которого должно изменить историю России. Такая идея приближает роман к сказке, ведь именно хронотоп испытания традиционно «пронизывает всё сказочное повествование» [24, с. 33]. Конечной целью странствий пар является деревня Дегунино – своеобразный земной рай, где происходит решающая битва между хазарами и варягами и где максимально проявляется хтоническая мощь природы, когда участие самой Земли решает судьбу сражения.

Типологически пары соотносятся следующим образом: туземка Аша и варяжский губернатор Бороздин, находящиеся в любовной связи, образуют первую пару, схожую с другой, состоящей из «истинного русского» Волохова (фамилия намекает на происхождение героя от славянских волхвов) и хазарки Женьки Долинской (её инициалы совпадают с названием романа), принадлежащих к противоборствующим группам. Две другие пары также имеют общие черты: рядовой Воронов и бомж Василий Иванович служат своеобразными проводниками, задача которых, как выясняется в финале «ЖД», дать встретиться своим компаньонам – соответственно варяжскому офицеру Громову и девочке Аньке. Путь в Дегунино и Громова, и Аньки проходит через специфические «потусторонние» топосы: в случае девочки речь идёт о мифологизированном постапокалиптическом Чернобыле (она оказывается в Припяти со своим проводником); Громов с сопровождающим его солдатом попадает сначала в город Блатск, а потом в таинственный монастырь, находящийся в каком-то «своём» измерении.

Мифологическая составляющая романа наиболее тесно связана с линией офицера Волохова, «прозрение» которого происходит благодаря Гурову: побывав и в театре военных действий, и в Израиле («Каганате»), он в итоге проходит настоящее сказочное испытание на пути в Жадруново, что подчёркивается языком повествования, например: «Долго ли, коротко ли шёл Волохов со своей убывающей гвардией, а только пришли они в следующую деревню...» (ДБ, с. 720). Путь в средоточие силы Жаждь-бога (по сути, в Ад, поэтому финальное путешествие Волохова, пытающегося вернуть Женьку Долинскую, соотносится с сошествием Орфея за Эвридикой в Аид) осуществляется не только в пространстве, но и во времени: чем ближе герои подходят к Жадруново, тем дальше они оказываются от современности, изображённой в начале «ЖД», – начиная от мест, где ещё не окончилась Великая Отечественная война, и заканчивая деревней, до сих пор живущей в эпохе Наполеоновского нашествия. Подобный мотив эпизодически обыгрывается и в странствиях Громова и Воронина: на станции Рюхино красноармеец, которого Л. Фиалкова весьма точно называет «русским Летучим Голландцем» [25, р. 218], отчаянно пытается телеграфировать в штаб какое-то сообщение.

Волохов и его соратники проходят квест по наиболее значимым (с точки зрения автора) событиям и периодам российской истории, причём в направлении, обратном естественному ходу времени, то есть путешествуют вглубь исторической памяти русского народа. Между тем хронотоп каждой отдельно взятой деревни лишён исторического времени, эти топосы обладают им лишь

относительно сторонних наблюдателей, а потому иллюстрируют главный тезис романа – отсутствие исторического времени в России. В итоге, растеряв весь свой отряд в различных эпохах, Волохов в одиночку, подобно сказочному Ивану-царевичу, идёт к своей возлюбленной через дремучий лес, чтобы попасть в место конца времён (или их начала) после типично фольклорного испытания загадками, которое проводят сказочные персонажи – птицы Сирин, Финист, Алконост и др. Однако сказочный *happy end* не срабатывает: успешно преодолев все препятствия, Волохов пересекает границу небытия только один раз, навсегда исчезнув из мира живых и, возможно, встретив в ином мире свою любовь Женьку Долинскую.

Апокалиптический сценарий не реализуется и в случае другой пары: если возможный Антихрист – ребёнок, которого ожидала Долинская от Волохова, уходит из мира живых вместе с матерью благодаря стараниям Гурова, своеобразного «хранителя» круговой истории, то ребёнок туземки Аши и губернатора оказывается абсолютно нормальным вопреки пророчеству, многократно находившему своё подтверждение на протяжении книги. Причина такого, казалось бы, нелогичного финала легко объяснима. С одной стороны, обманутые ожидания – проявление широко используемой современной литературой игры с читателем, которая выступает одним из симптомов разрушения традиционной жанровой системы; с другой – это подтверждение тезиса о невозможности свершения истории в России, поскольку рождение Антихриста должно было бы начать новую эпоху и разорвать пресловутый российский замкнутый круг, что противоречит самой идее романа. Финальная ошибочность пророчества, в целом невозможная в фольклорной традиции, широко встречается в массовой культуре; в особенности это касается пророчеств о конце света.

Проявлением игры с читателем можно считать и имена «Василий Иванович» и «Анька»: эта пара прозрачно соотносится с прочно вошедшими в русский городской фольклор Василием Ивановичем Чапаевым и Анкой-пулемётчицей из знаменитого фильма братьев Васильевых «Чапаев» (1934), что придаёт их странствиям несколько анекдотический характер и, кроме того, отсылает к знаковому для 1990-х годов роману В. Пелевина «Чапаев и пустота» (1996), где различные временные пласты сосуществуют, так же как в путешествии Волохова в «ЖД», то есть история не развивается. Последняя фраза «ЖД» отсылает к произведению, ставшему поворотным в творчестве В. Сорокина, – «Трилогии» (2005), точнее, к её последней части, «23000». Роман Д. Быкова оканчивается так: «И, взявшись за руки, они пошли в деревню Жадруново, где их ждало неизвестно что» (ДБ, с. 749). У В. Сорокина читаем:

«Бьорн протянул руку Ольге:

– Идём!

Ольга встала, дала ему руку. И они пошли, ступая босыми ногами по нагретому солнцем мрамору»⁹.

Как у Сорокина за внешним «жанровым» счастливым концом скрывается ирония, так и у Быкова неожиданная встреча Громова и Аньки, составивших новую пару, предлагает лишь видимость открытого финала: речь идёт об очередном

⁹ http://rulibs.com/ru_zar/sf_social/sorokin/1/j23.html/.

витке истории и возобновлении поиска «всамделишного, неподдельного, не запаянного в цикл, одним словом – *небывалого* будущего» [4]; эта пара рискует повторить судьбу своих предшественников Волохова и Долинской, ничем не изменив ход российской истории. Достаточно пессимистично отзывается о финале «ЖД» С. Оробий, весьма метко использовавший в своей статье выражение «холостые механизмы истории»: «Герои вновь и вновь отправляются на поиски новой земли, которой, по законам жанра, нет нигде» [26]¹⁰. Д. Быков экспонирует проблему, однако не только не предлагает её решения, но и сам сомневается в возможности выйти из замкнутого круга истории. Как замечает А. Григоровская, «существует ли выход из “дурной повторяемости”, “бесконечного тупика”, “вечного круга” истории – антиутопия чёткого ответа не даёт. В настроениях начала XXI века отсутствуют чёткие представления о месте человека в мире, о том, “что делать”» [24, с. 69].

Зачастую изображение сказочных элементов в романе сочетается с неприкрытой иронией, особенно заметной в эпизодах, посвящённых боевым столкновениям в Дегунино. В этой деревне присутствует и священная для земледельцев-славян самородящая Мать-земля, и один из самых известных образов русских сказок – печка, сама пекущая пирожки, однако автор доводит до абсурда характер жителей Дегунино и их бесцельную доброту, сочетающуюся с желанием продолжать жить в вечном природном круговороте. Во время нападения на деревню, когда то хазары, то варяги попеременно убивают местных жителей, реакция последних сводится к увещаниям: «А вот огурчиков, хлопчики, – ласково предлагали дегуниинцы. – А вот яблочек!» (ДБ, с. 678); или: «А вот пирожков, – ласково предлагали жители деревни стремительно набегающим ЖДам. – А вот капустки» (ДБ, с. 679).

Активное обращение к фольклору в «ЖД», в целом характерное для современной русской литературы, можно рассматривать не только с точки зрения «магического историзма», но и с позиций локализации – процесса, обратного глобализации. В этом случае использование фольклорных образов вызвано противодействием глобализационным тенденциям через духовные корни народа, «эти образы являются, прежде всего, символами национального культурного своеобразия, которое, в зависимости от убеждений авторов, может осмысляться как в положительном, так и отрицательном ключе» [20, с. 16]. Неслучайно, например, в «Мифогенной любви каст» Великая Отечественная война представлена как противоборство русских фольклорных персонажей (сторона Добра) и героев западноевропейских авторских сказок (сторона Зла).

Тема противоборства Добра и Зла в современной русской культуре актуальна как никогда, что связано с государственной политикой: тенденция национальной консолидации поддерживается сторонниками «имперской» идеи развития государства. В этой ситуации особую важность приобретает образ врага как носителя ценностей, несовместимых с ценностями конкретной группы, деятельность которого прямо или косвенно направлена на её разрушение. В случае консолидации по национальному или государствообразующему признаку

---

¹⁰ Впрочем, В. Пустовая, наоборот, рассматривает подобный финал романа в позитивном ключе, считая, что неизвестность будущего – первый шаг на пути к выходу из круга истории [4].

враг пытается уничтожить нацию или государство. В. Пустовая, говоря о современных антиутопиях, к которым относит и «ЖД», пытается связать тенденцию к поиску врага в русской антиутопической литературе с «магическим историзмом»: «Поиск врага – великий исторический соблазн. В художественном плане поиск врага – это соблазн решения проблемы в стиле фэнтези» [4].

Важно отметить, что образ врага в русской литературе за короткое время претерпел множество трансформаций, отображающих перемены общественно-политических ориентиров россиян, так как в целом этот образ «имеет символический характер, является динамичным, изменчивым» [27, с. 41]. Для советской официальной литературы он устанавливался директивами партии, начиная от провозглашения социалистического реализма единственным верным литературным методом¹¹ до начала перестройки в середине 1980-х годов.

В официальной литературе враг выделялся на идеологической основе; он мог быть внутренним и внешним, но в любом случае не принимал советских ценностей и социалистического образа жизни. На образ внешнего врага во многом повлияла риторика времён холодной войны, он зачастую изображался как шпион одной из западных держав, империалист или колониалист, в то время как образ внутреннего врага имел различные конкретные проявления в зависимости от жанра социалистического реализма: в производственном романе это мог быть вредитель, в деревенской прозе – кулак, противодействующий созданию колхозов и т. д.; существовал и другой внутренний враг – «диссидент, инакомыслящий, бывший пособник фашистов... агент влияния и, наконец, “отдельный несознательный гражданин, имеющий пережитки капитализма в сознании”» [29, с. 32].

Период 1990-х годов характеризуются отсутствием чёткой государственной идеологии и, соответственно, институализированного образа врага. Он появляется вновь на рубеже 2000-х годов как следствие изменения государственной политики в России. Тогда «произошло возвращение... к премодернистским и ранним модернистским моделям социальной сплочённости и стабильности... появился образ врага с соответствующими мифами и ритуалами» [30, р. 7]. Классическим примером служит повесть «День опричника» В. Сорокина, в которой народ, устав от безвластия и разрухи 1990-х годов, поднимается на восстание, после чего в стране происходит реставрация монархии и проводится реакционная внутренняя политика, основанная на национализме и изоляционизме: «Ксенофобия и изоляционизм активно пропагандируются правящими кругами, а беззаветно преданные органы правопорядка получили практически неограниченные полномочия» [31, р. 171]. «День опричника», как и большинство российских антиутопий последних десятилетий («Выбраковка» О. Дивова (1999), «Укус ангела» П. Крусанова, «План спасения» Д. Горчева (2005) и др.), предлагает классическую модель образа врага.

В «ЖД» концепция врага более сложная, она строится не на двухчастной (мы – они), а на трёхчастной модели: коренные жители России – варяги – хазары. Эти три группы конфликтуют друг с другом, однако варяги и хазары, будучи

---

¹¹ Основы литературной политики, закреплённые позже съездами советских писателей, прослеживаются уже в деятельности пролетарских писательских организаций 1920–1930-х годов (см. подробнее [28]).

угнетателями коренных русских, находят множество точек соприкосновения, хотя формально ведут между собой открытые боевые действия: «Роковым дефектом варяжства и хазарства была именно неспособность допустить, что в мире существует иная логика, отличная от их собственной. Варяг во всём видел подлый шантаж, хазар везде обнаруживал заговор...» (ДБ, с. 689). Образ врага в «ЖД» определяется концепцией российской истории; хазары представлены как люди торговли и договоров, в то время как варяги – люди войны и действия; оба этих жизненных модуса глубоко противны природе русского национального характера, в основе которого лежат природные повторяющиеся циклы.

Очевидно, что под именем «хазары» в романе выведены евреи, а «Каганат» – это Израиль. Сам роман «ЖД» выступает заочным ответом книге А. Солженицына «Двести лет вместе» (2001). Д. Быков высказывает достаточно резкие и провокационные суждения о роли евреев в истории России (вернее, в отсутствии этой истории) и развивает идею мирового еврейского заговора. Однако позиция автора находится вне традиционных бинарных оппозиций, в которых симпатиям к евреям противопоставлена националистическая риторика. Быков, постулируя абсолютную инертность коренных русских, считает, что воинственный националистический дух связан с влиянием других захватчиков – варягов, причём отождествляет их «с неким тоталитаризмом, который не ограничен ни временем, ни пространством, но именно здесь, на территории России, раскрывается в полной мере» [32, с. 80]. Так писатель пытается дистанцироваться и от агрессивной имперской риторики, и от либеральных тенденций, популярных в кругах русской интеллигенции.

Д. Быков использует концепцию внутренней колонизации, предложенную А. Эткингом [33]: и хазары, и варяги являются колонизаторами русской земли (хотя хазары это активно отрицают и утверждают, что именно они составляют коренное население), поэтому граница между внутренним и внешним врагом размыта. Так, хазары массово эмигрировали в Каганат, но ведут боевые действия на территории России, следовательно, они должны считаться внешним врагом. Однако за годы совместной жизни с русскими хазары настолько перемешались с ними, что наличие хазарской крови иногда неизвестно самим носителям этого генетического наследия (девочка Аня неожиданно для себя самой оказывается полухазаркой). С этой точки зрения хазары для русских выступают врагами внутренними. Подобное превращение произошло и с варягами, изначально призванными с Севера для борьбы с хазарами, но в итоге оккупировавшими русскую территорию и смешавшимися с местным населением. Варяжский враг, по мнению русских, одновременно и внешний, и внутренний, точнее, исторически внешний, а в современности произведения внутренний. По этой причине утверждать, что «ЖД» изображает «ситуацию национальной катастрофы, когда вяло тлеющая гражданская война становится привычным образом жизни» [23, с. 58], не совсем верно, так как это, скорее, война всех против всех, из-за которой в России процветает беззаконие и насилие над человеком.

Образ врага в представлении варягов и хазар имеет более классический характер, причём важным и для тех, и для других является выявление внутреннего врага, что связано с утверждением смысла существования собственных замкнутых групп. В роли внутреннего врага хазар оказывается офицер Волохов,

вхожий в хазарские круги через свою любовницу Долинскую и посмевшийся вступить в дискуссии с хазарами «на их территории»; примером внутреннего врага варягов, доведших философию войны до абсурда («лучший солдат – мёртвый солдат»), становится рядовой Воронов, расстрел которого перед строем должен укрепить воинский дух солдат.

Три противостоящие стороны следуют трём моделям поведения, каждая из которых рассматривается автором в негативном ключе: агрессивность варягов, основанная на грубой силе и насилии, коварство и подлость хазар, использующих подкуп, лесть, человеческие слабости для достижения своих целей, но открыто презирающих всех «не-хазар», пассивность коренного населения России, не только не сопротивляющегося захватчикам, но и всячески поддерживающего существующее равновесие сил. Показателен образ «хранителя» Гурова, свободно вращающегося и среди хазар, и среди варягов, вся идеология которого сводится к противодействию любым попыткам вывести Россию из замкнутого бесконечно повторяющегося круга. «Васьки» и «машки», как их называет автор, – «истинные русские» – изображены без той ненависти, с которой Быков изобличает враждебную всему живому философию варягов или хитрые происки хазар, но и без особой симпатии: опустившиеся существа, привычно подчиняющиеся любому внешнему воздействию, по определению не могут стать настоящими героями повествования.

Трёхчастная модель врага в «ЖД» проявляется особенно ярко в сфере регулирования личностных отношений. Например, типологическая близость хазар и варягов, двух наций-оккупантов, обнаруживается в том, что браки между ними хотя и не поощряются членами каждого из сообществ, однако возможны и не ведут ни к каким катастрофическим последствиям. Напротив, пророчество о конце света (равноценном выходу из круга истории) должно сбыться при рождении ребёнка, зачатого «истинным» русским и представителем хазар или варягов. Типичный для классической антиутопии выбор между любовью и верностью референтной группе приводит, например, к маргинализации губернатора и Аши: тотальный контроль над членами группы распространяется на личные чувства, которые и помогают каждому из центральных героев вырваться за рамки своей группы.

Главная особенность «ЖД», выделяющая роман на фоне многочисленных альтернативно-исторических произведений современности, – попытка объяснить русскую историософию через изображение человека. Д. Быков не показывает ни возможную империю в стиле В. Сорокина или М. Юрьева, ни либеральную державу; по сути, государственное устройство той страны, в которой происходят события, остаётся непонятым. Сибирский город, где губернаторствует возлюбленный Аши, и Москва в «ЖД» мало чем отличаются от сегодняшней России и представляют собой модель централизованного государства; город Блатск, куда попадают Громов и Воронов, как следует из самого названия, соотносится с безвластием 90-х годов, когда на местах правили многочисленные бандитские группировки; к событиям после развала СССР также отсылают саркастические эпизоды, посвящённые Кавказу; в многочисленных деревнях, изображённых в романе, власти нет вовсе.

Отказ Д. Быкова от изображения целостной политической системы свидетельствует об интересе автора к человеку, его поступкам; ответы на извечные вопросы «кто виноват» и «что делать» писатель ищет не в системе, а в человеке, который создаёт такую систему. В этом отношении «ЖД» глубже, чем большинство альтернативно-исторических и футурологических произведений, вышедших в России в последние годы: используя механизмы современной художественной литературы, роман заявляет не столько о необходимости перестройки российского государства, сколько о важности изменения русской пассивной ментальности, инертной и враждебной любой попытке трансформации циклического круговорота мироздания.

Источники

ДБ – *Быков Д.Л.* ЖД. – М.: ПРОЗАИК, 2011. – 752 с.

Литература

1. *Басинский П.* Пять звёзд: [Рец. на кн.: Быков Д. ЖД; Пелевин В. Empire V; Слаповский А. Синдром феникса] // Лит. газ. – 2007. – № 35. – С. 7.
2. *Назаренко М.* По дороге в Жадруново // Реальность фантастики. – 2006. – № 12. – С. 194–196.
3. *Латынина А.* Сказки о России // Нов. мир. – 2007. – № 2. – С. 176–183.
4. *Густовая В.* Скифия в серебре: «Русский проект» в современной прозе // Нов. мир. – 2007. – № 1. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/pu12.html, свободный.
5. *Кокшенёва К.* Изживание реальности. Универсальная порочность мира в современных текстах // Москва. – 1997. – № 3. – С. 172–176.
6. *Чупасов В.Б.* Альтернативно-историческая фантастика в контексте социокультурных трансформаций // Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России: Сб. науч. ст. / Сост. И.Л. Савкина, М.А. Черняк. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2009. – С. 272–278.
7. *Лобин А.М.* Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. – Ульяновск: Ульяновск. гос. техн. ун-т, 2015. – 310 с.
8. *Чанцев А.* Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Нов. лит. обозрение. – 2007. – Т. 86. – С. 269–301.
9. *Minkova Yu.* The Squid and the Whale à la russe: Navigating the “Uncanny” in Dmitry Vukov’s *ZhD* // Russ. Rev. – 2013. – V. 72, Is. 2. – P. 285–302.
10. *Polak A.* Современная русская социальная фантастика (2017 Ольги Славниковой) // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. – 2014. – № 7. – С. 297–306.
11. *Липовецкий М., Эткинд А.* Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // Нов. лит. обозрение. – 2008. – Т. 94. – С. 174–206.
12. *Витенберг Б.* Путешествия в мир утопий (обзор книг по литературной утопии) // Нов. лит. обозрение. – 2008. – № 93. – С. 327–337.
13. *Лобин А.М.* Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. – Ульяновск: Ульяновск. гос. техн. ун-т, 2008. – 132 с.
14. *Амусин М.* Новая российская футурология // Звезда. – 2007. – № 12. – С. 188–199.
15. *Фишман Л.* Картина будущего у российских фантастов. – Липецк: Крот, 2008. – 68 с.

16. *Etkind A.* Stories of the Undead in the Land of the Unburied: Magical Historicism in Contemporary Russian Fiction // *Slavic Rev.* – 2009. – V. 63, Is. 3. – P. 631–658.
17. *Etkind A.* Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied. – Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. – 300 p.
18. *Ковтун Е.Н.* Постсоветская фантастика: приобретения и потери // *Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий.* – Челябинск: Энцикл., 2010. – С. 43–68.
19. *Павлова Д.О.* Сюжетная реализация конспирологического романа // *Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева.* – 2013. – Т. 2, № 4. – С. 41–48.
20. *Бесков А.А.* Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья первая) // *Colloq. Neptalomeris.* – 2015. – II. – С. 6–18.
21. *Кукулин И.* Гипсовые часы // *Нов. лит. обозрение.* – 2004. – № 68. – С. 260–269.
22. *Григоровская А.В.* Феномен цикличности истории в российской антиутопии 2000-х годов // *Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина.* – 2011. – Т. 1, № 3. – С. 63–70.
23. *Ланин Б.* Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия // *Acta Slavica Iaponica.* – 2011. – № 29. – С. 49–63.
24. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературной сказки 1920–1980-х гг.). – Свердловск: Урал. ун-т, 1992. – 184 с.
25. *Fialkova L.* Where Do the Rails Lead to? Rail Transport's Mythology in Contemporary Russian and Ukrainian Fantastic Fiction (Preliminary Remarks) // *Stud. Mythologica Slavica XIX.* – 2016. – P. 213–235.
26. *Оробий С.П.* Антиутопии «нулевых» и холостые механизмы истории // *Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – № 4. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13413>, свободный.
27. *Войтов А.В.* Изучение процесса формирования коллективных представлений на примере образа «врага» в общественном сознании // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9: Исслед. молод. учёных.* – 2014. – Вып. 12. – С. 38–42.
28. *Дёмина Е.Г.* Образ врага в советской литературной критике 1920–1930-х годов // *Культура народов Причерноморья.* – 2005. – № 74-2. – С. 146–151.
29. *Колесникова А.Г.* «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // *Приволж. науч. вестн.* – 2011. – № 3. – С. 30–35.
30. *Dobrenko E., Lipovetsky M.* The Burden of Freedom: Russian Literature After Communism // *Russian Literature since 1991 / Ed. E. Dobrenko, M. Lipovetsky.* – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. – P. 1–19.
31. *Noordenbos B.* Post-Soviet Literature and the Search for a Russian Identity. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2016. – 232 p.
32. *Сорокина Т.Е.* Варяжство и хазарство в художественной историософии Дмитрия Быкова // *Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого.* – 2010. – № 57. – С. 79–82.
33. *Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. – Cambridge: Polity, 2011. – 264 p.

Поступила в редакцию
31.01.18

Новохатский Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент

Падуанский университет
ул. 8 февраля, 2, г. Падуа, 35122, Италия
E-mail: dmitry.novokhatskiy@unipd.it

**D. Bykov's Novel "ZhD" in the Context
of Contemporary Russian Literature Development Tendencies***D.V. Novokhatskiy**University of Padua, Padua, 35122 Italy*E-mail: *dmitry.novokhatskiy@unipd.it*

Received January 31, 2018

Abstract

The paper analyzes D. Bykov's novel "ZhD" ('Living Souls') in the context of various tendencies in the current literary process in Russia. The novel features secret history and conspiracy theory, with strong journalistic influences. The analysis makes use of such concepts as magical historicism, internal colonization, and localization.

In order to define the regularities of Russian history and to find the ways out of the social crisis, "ZhD", which is typical for alternate histories, models a virtual Russia placed in a conventional chronotope. Coherently with the concept of magical historicism, the philosophy of Russian history is interpreted via mythologization of the reality and employment of a fairytale. The mythology of the novel is based on the idea of "stopped" history caught in natural iterative cycles. The paper claims that magical historicism can be caused by localization processes related to national consolidation and, thus, creating the necessity to shape the image of the other, for instance, the image of the enemy. The author rejects the two-part model of the enemy based on the state ideology (internal – external enemy) and designs an original three-part model (Khazars – Varangians – Russians). According to D. Bykov, the reason of the present social crisis is not the erratic application of various models of the state, but the peculiarities of Russian mentality, and the only way to break the cycle is to change the spiritual values of the society.

Keywords: D. Bykov, ZhD, contemporary Russian literature, alternate history, futurology, magical historicism, philosophy of history, image of enemy, internal colonization

References

1. Basinskii P. Five stars: [Book Rev.: Bykov D. Living Souls; Pelevin V. Empire V; Slapovskii A. The Phoenix Syndrome]. *Literaturnaya Gazeta*, 2007, no. 35, p. 7. (In Russian)
2. Nazarenko M. On the way to Zhadrunovo. *Real'nost' Fantastiki*, 2006, no. 12, p. 194–196. (In Russian)
3. Latynina A. Fairytales about Russia. *Novyi Mir*, 2007, no. 2, pp. 176–183. (In Russian)
4. Pustovaya V. Scythia in silver: "Russian project" in modern prose. *Novyi Mir*, 2007, no. 1. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/1/pu12.html.
5. Koksheneva K. Eradication of reality. Universal viciousness of the world in modern texts. *Moskva*, 1997, no. 3, pp. 172–176. (In Russian)
6. Chupasov V.B. Alternative historical fiction in the context of sociocultural transformations. In: Savkina I.L., Chernyak M.A. *Kul't-tovary: fenomen massovoi literatury v sovremennoi Rossii* [Cultural Goods: Popular Literature Phenomenon in Modern Russia]. St. Petersburg, S.-Peterb. Gos. Univ. Prom. Tekhnol. Dizaina, 2009, pp. 272–278. (In Russian)
7. Lobin A.M. *Avtorskie kontseptsii rossiiskoi istorii v russkoi literature XXI veka* [Author's Conceptions of Russian History in Russian Literature of the 21st Century]. Ulyanovk, Ul'yanovsk. Gos. Tekh. Univ., 2015. 310 p. (In Russian)
8. Chantsev A. The factory of anti-utopias: A dystopic discourse in Russian literature in the middle of the 2000s, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2007, vol. 86, pp. 269–301. (In Russian)

9. Minkova Yu. The squid and the whale *à la russe*: Navigating the “Uncanny” in Dmitry Bykov’s *ZhD. Russian Review*, 2013, vol. 72, no. 2, pp. 285–302. doi: 10.1111/russ.10692.
10. Polak A. Modern Russian social science fiction (2017 of Olga Slavnikova). *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*, 2014, no. 7, pp. 297–306. (In Russian)
11. Lipovetskii M., Etkind A. Return of Triton: Soviet catastrophe and post-soviet novel. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2008, no. 94, pp. 174–206. (In Russian)
12. Wittenberg B. Traveling in the world of utopias (review of books on literary utopia). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2008, no. 93, pp. 327–337. (In Russian)
13. Lobin A.M. *Povestvovatel’noe prostranstvo i magistral’nyi syuzhet sovremennogo istoriko-fantasticheskogo romana* [Narrative Space and Main Plot of Modern Historical Fiction Novel]. Ulyanovsk, Ul’yanovsk. Gos. Tekh. Univ., 2008. 132 p. (In Russian)
14. Amusin M. New Russian futurology. *Zvezda*, 2017, no. 12, pp. 188–199. (In Russian)
15. Fishman L. *Kartina budushchego u rossiiskikh fantastov* [The Image of Future in Russian Speculative Fiction]. Lipetsk, Krot, 2008. 68 p. (In Russian)
16. Etkind A. Stories of the undead in the land of the unburied: Magical historicism in contemporary Russian fiction. *Slavic Review*, 2009, vol. 63, no. 3, pp. 631–658.
17. Etkind A. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, Stanford Univ. Press, 2013. 300 p.
18. Kovtun E.N. Post-Soviet speculative fiction: Gains and losses. In: *Inye vremena: evolyutsiya russkoi fantastiki na rubezhe tysyacheletii* [Other Times: The Evolution of Russian Speculative Fiction on the Eve of the New Millennium]. Chelyabinsk, Entsykl., 2010, pp. 43–68. (In Russian)
19. Pavlova D.O. Plot implementation of conspiracy novel. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2013, vol. 2, no. 4, pp. 41–48. (In Russian)
20. Beskov A.A. Reminiscences of Eastern-Slavic paganism in modern Russian culture (part one). *Colloquium Heptalomeris*, 2015, vol. II, pp. 6–18. (In Russian)
21. Kukulin I. Gypsum clock. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2004, no. 68, pp. 260–269. (In Russian)
22. Grigorovskaya A.V. The phenomenon of history recurrence in Russian anti-utopia of the 2000s. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2011, vol. 1, no. 3, pp. 63–70. (In Russian)
23. Lanin B. Evgenii Zamyatin’s heritage and modern Russian anti-utopia. *Acta Slavica Iaponica*, 2011, no. 29, pp. 49–63. (In Russian)
24. Lipovetskii M.N. *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literaturnoi skazki 1920–1980-kh gg.* [Literary Fairytale Poetics (Based on Russian Literary Fairytale of 1920s–1980s)]. Sverdlovsk, Ural. Univ., 1992. 184 p. (In Russian)
25. Fialkova L. Where do the rails lead? Rail transport’s mythology in contemporary Russian and Ukrainian fantastic fiction (preliminary to remarks). *Studia Mythologica Slavica XIX*, 2016, pp. 213–235.
26. Orobii S.P. Anti-utopias of the 2000s and loose-running mechanisms of history. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, 2014, no. 4. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13413>.
27. Voitov A.V. Studying collective representation development based on “enemy” image in public consciousness. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 9: Issledovaniya Molodykh Uchenykh*, 2014, no. 12, pp. 38–42. (In Russian)
28. Demina E.G. The image of enemy in Soviet literary criticism of the 1920s–1930s. *Kul’tura Narodov Prichernomor’ya*, 2005, no. 74-2, pp. 146–151. (In Russian)
29. Kolesnikova A.G. Enemy image in Soviet propaganda during “cold war”: From event to image. *Privolzhskii Nauchnyi Vestnik*, 2011, no. 3, pp. 30–35. (In Russian)
30. Dobrenko E., Lipovetsky M. The burden of freedom: Russian literature after communism. In: Dobrenko E., Lipovetsky M. (Eds.) *Russian Literature since 1991*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, pp. 1–19.

31. Noordenbos B. *Post-Soviet Literature and the Search for a Russian Identity*. New York, Palgrave Macmillan, 2016. 232 p.
  32. Sorokina T.E. Varangians and Khazars in Dmitrii Bykov's literary historiography. *Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2010, no. 57, pp. 79–82. (In Russian)
  33. Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, Polity, 2011. 264 p.
-

⟨ **Для цитирования:** Новохатский Д.В. Роман Д. Быкова «ЖД» в контексте тенденций развития современной русской литературы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 112–128. ⟩

⟨ **For citation:** Novokhatskiy D.V. D. Bykov's novel "ZhD" in the context of contemporary Russian literature development tendencies. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 112–128. (In Russian) ⟩